

(по крайней мере, статей) в редакцию. Правильно было бы перейти на издание 6 номеров, а потом, быть может, и 12 номеров в год.

Перед наукой в России сейчас очень остро стоит задача борьбы с лженаукой и защиты подлинной науки от всяких жуликов и шарлатанов. Об этом я кратко упомянул даже в конце моей статьи в ВИЕТ (2000, № 4, с. 13–14). Чтобы не писать об этом подробнее, прилагаю текст моего выступления на расширенном заседании Президиума РАН 27 марта 2001 г. (этот текст будет опубликован в «Вестнике РАН»). Ясно, что ВИЕТ сам бог велит активно работать в этом направлении.

В системе образования история науки несомненно должна занимать видное место. Это очевидно. К сожалению, в советские времена изложение истории и, в частности, истории науки было окрашено в псевдопатриотические тона («Россия — родина слонов» и тому подобные шутки появились именно по этой причине). Необъективное изложение истории науки приносит большой вред, особенно чувствительна к этому молодежь. Нужна правда и еще раз правда, а не вранье под видом защиты отечественной науки и ее приоритета. Другими словами, защищать и пропагандировать отечественную науку нужно и полезно, но не путем совершенно контрпродуктивного искажения правды.

Б. С. СОКОЛОВ
академик, советник РАН,
советник-консультант Палеонтологического института РАН

УНИКАЛЬНОСТЬ ВИЕТ

Мой интерес к этому изданию возник задолго до того, как оно получило статус регулярно выходящего журнала; тогда оно имело вид сборников разнообразных материалов по истории науки и техники, выпускаемых Институтом истории естествознания и техники Академии наук нашей страны. (Я сознательно не пишу РАН, так как другой академии наук ни в России, ни в СССР не было и нет.) Замечательно, что сохранилась преемственность в названии и стиле издания, а поэтому вызывает некоторое недоумение указание, что журнал «издается с января 1980 года». Я пользуюсь этим изданием многие годы, а с 1987 г. нашел необходимым иметь его полные годовые комплекты в своей личной библиотеке.

Среди 16 научных русских и зарубежных журналов, которые я получаю постоянно (до 1991 г. получал вдвое больше), в ВИЕТ все чаще нахожу наиболее интересную мне информацию. Объясняется это тем, что в близких мне науках о Земле и жизни я много узнаю в живом общении, а как исследователя, меня все больше привлекает история науки и личности в науке, что и составляет сердцевину журнала. Приближается к нему из наших журналов только теперешний «Вестник РАН». ВИЕТ привлекателен своей всеохватностью, высоким профессионализмом авторов статей и редакционного коллектива (вовсе не парадного, как во многих журналах!), чутким пониманием взыскательных суждений читателей совершенно определенного круга. Затрудняюсь назвать какие-либо заметные недочеты в журнале, хотя от мелких недоразумений ни один журнал не застрахован. Могу и в данном случае отметить, что, например, еще в сборнике «Вопросы истории естество-

знания и техники» 1973 г. № 2 [43] в обзоре серии брошюр «Выдающиеся ученые Ленинградского университета» (с. 78–79) знаменитый геолог и геоморфолог Яков Самойлович Эдельштейн именуется Яковом Михайловичем. Досадность ошибки состоит в том, что с инициалами Я. М. действительно был геолог-однофамилец, работавший в совершенно другой области.

Превосходных публикаций, обративших на себя внимание в последние годы, я мог бы перечислить очень много. Назову лишь некоторые статьи и тематические подборки: Карл Поппер «Об источниках знания и незнания» (1992, № 3); серия статей «К 200-летию со дня рождения Карла Эрнста фон Бэра» (1992, № 4); статьи М. С. Бастраковой и И. И. Мочалова в рубрике «130 лет со дня рождения В. И. Вернадского» (1993, № 4); подборка статей «Из истории советского атомного проекта» (1994, № 2; 1996, № 2); С. И. Романовский «Что дала русская геологическая мысль мировой науке?» (1997, № 1); З. К. Соколовская, А. Л. Яншин «История Академии наук России в книгах серии РАН “Научно-биографическая литература”» (1999, № 3); вся серия статей «275 лет Российской академии наук» (1999, № 1–4), и многие другие. Мне особенно близки сейчас статьи эволюционно-биосферной направленности, но пугают иногда слишком поверхностные публицистические рассуждения о «переходе биосферы в ноосферу», вплоть до «космоноосферы», как у А. Д. Урсула (1992, № 4). Вечность биосферы обеспечивает вовсе не Разум, она будет существовать и без *Homo sapiens*, как существовала до его появления, но это — тема для другого разговора.

Специфика журнала «Вопросы истории естествознания и техники» в его уникальности. Он у нас единственный и, естественно, находится под эгидой Президиума Российской академии наук. Специфичен весь набор его рубрик — постоянных и эпизодических: «Социальная история отечественной науки и техники», «Уроки истории», «Люди русской науки», «Академия наук: листая архивные документы», «Воспоминания», «Научная жизнь» — хроники, «Календарь юбилейных дат», «Книжное обозрение» — размышления и т. д. Но общую идеологию журнала пронизывает «Наука в контексте культуры». Полагаю, что журнал должен быть открыт и для таких рубрик, как «Наука и образование», «Научное знание и лженаука» (последнее особенно важно, поскольку лженаука захлестывает наши СМИ), «Из деятельности общественных академий и научных обществ», «Краеведение» и др.

В научном отношении ВИЕТ, несомненно, достиг высокого уровня, и он должен становиться все более влиятельным в обществе. Его квартальная периодичность мне представляется явно недостаточной, необходимо выпускать хотя бы шесть номеров в год. Хотел бы высказать и несколько конкретных пожеланий. В свое время в Менделеевском архиве ЛГУ была обнаружена в старой стенографической записи замечательная статья Д. И. Менделеева «Какая же Академия нужна в России?», относящаяся к 1882 г. Академик Б. М. Кедров (тогда директор Института истории естествознания и техники АН) стал инициатором расшифровки трудной записи и первым публикатором статьи Менделеева под тем же названием с очень содержательным послесловием проф. Б. Мейлаха, но не в академическом издании, а в литературном журнале «Новый мир» (1966, № 12). Статья в высшей степени актуальна и до сих пор, но она прошла мимо ВИЕТ, и я не знаю ссылок на нее, кроме нескольких своих. Совершенно необходимо ее переиздать с соответствующими комментариями и дополнением к послесловию. Это тем более своевременно, поскольку в 2001 г. исполнилось 125 лет со дня избрания Д. И. Менделеева в состав Академии наук.

В 2001 г. исполняется 110 лет со дня рождения Отто Юльевича Шмидта — выдающегося математика, геофизика, географа, одного из вице-президентов АН, сделавшего огромный вклад в науку и ее организацию, образование и просвещение

в XX столетии — этом труднейшем из веков нашей истории. Журналу необходимо открыть соответствующую рубрику, так как изданная 10 лет тому назад «энциклопедия личности»: «Отто Юльевич Шмидт — энциклопедист» (М.: Советская энциклопедия, 1991) — лишь первый шаг в освещении роли «русских энциклопедистов» новой эпохи. Совсем недавно в Санкт-Петербурге вышла книга научно-исторических очерков М. Д. Голубовского «Век генетики: Эволюция идей и понятий» (СПб.: Борей Арт, 2001. — 262 с.). Автор — блестящий мастер писать просто и образно о труднейших вопросах биологии, но его книга легко может затеряться при тираже в 250 экземпляров (!). Журналу очень важно реагировать через свое «Книжное обозрение» на подобные издания со смехотворными тиражами — может быть, только быстрое рецензирование способно проломить стену рыночной экономики в научно-издательском деле. Подобных примеров я мог бы привести очень много.

К сожалению, в обществе и даже в его «кученой части» не сформировалось полностью представление об истории науки и техники как науке не менее важной, чем «профильная или предметная наука», не говоря уже о совершенно особом месте науки о науке. А в условиях России последнего десятилетия она утрачивает свою ценность и даже фундаментальную необходимость для процветания государства в глазах правительства. Парадоксальным образом мы вновь можем повторить мысли В. И. Вернадского, сформулированные в канун первой мировой войны:

Русское общество, без различия партий, должно понять, что наука, как национальное благо, должна стоять выше партий. Оно поняло и привыкло ценить русскую изящную литературу, русское искусство, русскую музыку. Для него ясно их мировое значение, их тесная связь со всей сознательной исторической жизнью народа. Но оно не сознает до сих пор, что совершенно наряду с этими сторонами его культурной работы стоит и его творческая и исследовательская научная работа в течение последних десяти поколений (сейчас это примерно и отвечает 275-летней истории Академии наук России. — *Б. С.*). Отсутствие этого сознания и понимания представляет главную причину, почему в борьбе за политические цели дня не охраняются у нас вечные интересы научной мысли, почему, с другой стороны, так жалки в этом отношении условия, в которых приходится работать русским ученым.

Понимая столь медленно уходящую косность общества и силу бюрократических структур государства, безразличных к национальной науке и ее истории, ВИЕТ может и должен содействовать прогрессу науки, используя все информационные каналы — академические, общественно-образовательные, промышленно-отраслевые. Возможно, ему следует стать органом не только Российской академии наук, но и министерств науки и образования, подобно еженедельной газете научного сообщества «Поиск».

Из всего сказанного ясно, какое место должна занять история науки в системе образования — не только высшего специального, но и среднего, и начального. Легче всего, конечно, обращаться к личному опыту. Я, например, отлично помню, какое впечатление на меня — начинающего школьника произвел очерк о жизни и открытиях юного Карла Линнея, опубликованный еще в дореволюционном детском журнале «Всходы». Впрочем, об этом я уже писал на страницах ВИЕТ. Вероятно, отсюда и пошел мой интерес к людям науки, путешественникам-исследователям, а позднее — к истории идей и научных представлений почти во всех случаях моего перехода от одной темы исследований к другой (палеонтология кораллов, принципы стратиграфии, геология Внутренней Азии, эволюция биосферы, фамильное краеведение и др.). Проблема, однако, остается: с чего следует начинать — с «истории вопроса» или с «чистого» собственного исследования, когда впереди —

целина проблемы, когда ты не несешь бремя чужих представлений и способен к выработке собственного: иногда это бывает уже «открытый велосипед», а нередко, действительно, нечто новое. Удивительно, но последнее чаще всего удается неэрудитам. В особом положении находятся историки науки — перед ними своя целина накопленного знания, которое нуждается в упорядочении с помощью своего же инструмента — истории. И могущество этого инструмента так велико, что только он способен превратить разрозненное знание в науку. Так рождаются и великие эмпирические обобщения, которым В. И. Вернадский справедливо придавал первостепенное значение в развитии науки.

Б. С. Соколов

В. Л. ЯНИН

академик, заведующий кафедрой археологии исторического факультета МГУ,
Председатель Совета Российского гуманитарного научного фонда

«Я БЫ С УДОВОЛЬСТВИЕМ ПИСАЛ В ВАШ ЖУРНАЛ...»

Мне нравится разнообразие тематики, которой занимается ИИЕТ и которая в свою очередь находит отражение в вашем журнале. Некоторые статьи настолько интересны, что я готов перечитывать по несколько раз и очень жалею, что меня ни разу не пригласили участвовать в «Вопросах истории естествознания и техники», я бы с удовольствием писал в ваш журнал.

Ваш журнал, с моей точки зрения, является носителем той идеи, которую последовательно исповедую я. ИИЕТ есть соединение истории, естественных и технических наук. Это синтез всего, что делается в науке, и он может быть использован как знамя. А поскольку я сам все время выступаю за синтез знаний, за комплексное изучение прошлого, то этот подход мне наиболее импонирует. Эта идея, это направление журнала, да и само существование ИИЕТ в этом ракурсе очень важны для всех.

Янин

Г. И. АБЕЛЕВ

академик, заведующий лабораторией иммунохимии Института канцерогенеза
Онкологического научного центра РАМН

«Я ВСЕГДА ЧИТАЮ ВАШ ЖУРНАЛ С БОЛЬШИМ ИНТЕРЕСОМ...»

На темы истории науки я пишу и сам — меня интересуют жизнь и поведение ученого в критической ситуации, а также осознание ученым большой роли науки в жизни общества. Я не знаю ни одной генерации отечественных ученых, которая была бы благополучной, идет ли речь о таких корифеях, как П. Н. Лебедев, И. И. Мечников, И. П. Павлов, или о современном поколении российских ученых — всегда эта жизнь драматична. Меня особенно интересует повседневная жизнь обычного ученого, его выбор в наших трудных условиях.

Я всегда читаю ваш журнал с большим интересом, с возрастом и опытом этот интерес только возрастает. Конечно же, я благодарен журналу за публикацию представленного мною перевода воспоминаний Э. Зоммер-Лэфковитц. Из того, что я читал в журнале, мне особенно интересны публикации А. С. Сонины по исто-